

— Весной 1967 года мой отец закончил службу в качестве военного советника у Насера и вернулся из Александрии в Калининград. Очередное назначение ему - в Севастополь, начальником 23-й океанографической экспедиции ВМФ. Это означало, что мои родители покидают Калининград, оставляя Сашеньку с Иринкой без той опеки, на которую мы рассчитывали, решая вопрос с Ладушкиным. Однако такой поворот событий нас отнюдь не огорчил. Сашенька уже акклиматизировалась на новом месте и более или менее привыкла к самостоятельной полусемейной жизни с моими эпизодическими наездами. Зато у нас появлялась возможность ездить отдыхать в Крым!

— За время службы отца сначала в Польше, а потом в Египте в родительской семье появились доселе невиданные вещи: пара ковров, холодильник, телевизор, пианино и сертификаты на машину, не считая кучи мелочей на всё семейство, включая и Сашеньку с Иринкой, - обувь, джинсы, кофточки, авторучки, в больших количествах шерсть, из которой мама вязала шикарные свитера на всех, дешёвые сувениры, которыми мама очень увлекалась, заставляя ими сервант. Мне был куплен на сертификаты финский костюм, пиджак от которого и до сих пор ещё не доношен на рыбалках. По сравнению с нашей жизнью до моего студенчества скачок в благосостоянии был грандиозный.

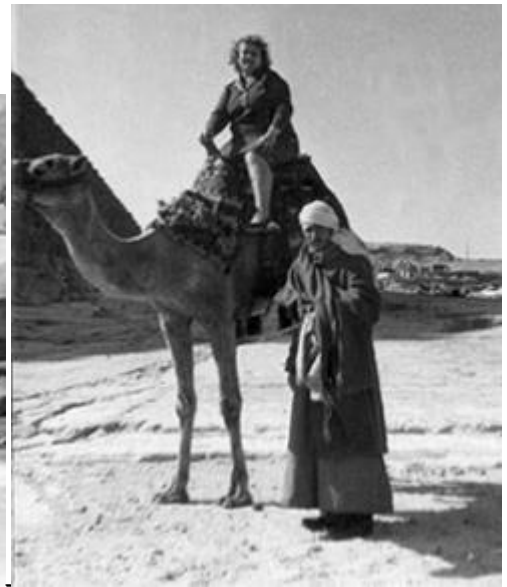
— Это время было, пожалуй, во всех отношениях пиком семейного благополучия моих родителей. Мама была полна впечатлений от поездок к отцу морем на теплоходе "Армения" через Болгарию, Турцию, Грецию и интересно рассказывала о них и о жизни в Александрии, о поездках в Каир, к пирамидам, в Асуан. С папой они не ссорились, по крайней мере, при детях. С детьми тоже всё было благополучно: сын учится в аспирантуре, женат, уже есть симпатичная внучка, Люба учится в КТИ, собирается замуж за неплохого парня (Жора Пронько таки добился своего), младшая любимица - Милочка ещё учится в школе, в восьмом классе и хлопот пока не доставляет.

— Мамины заботы были связаны в основном с подготовкой Любиной свадьбы и с предстоящим переездом в Севастополь. Папа, получив назначение, сразу отправился туда и жил пока у Ксении Ивановны - вдовы его старшего брата Дмитрия. После Любиной свадьбы, которая состоялась 28 апреля в Ленинграде, мама с Милочкой вернулись в Калининград готовиться потихоньку к переезду, хотя с квартирой в Севастополе ясности ещё не было, папа уехал в Севастополь, Люба перевелась из КТИ в "Военмех" - Ленинградский механический институт, я вернулся на майские праздники в Ладушкин, а оттуда снова в Ленинград - сдавать экзамены кандидатского минимума.

— В июне 1967 года вспыхнула арабо-израильская война, начавшаяся с блокирования Насером Акабского пролива и закончившаяся через неделю катастрофой для арабов, потерявших весь Синайский полуостров, Газу, Иерусалим, западный берег Иордана и Голанские высоты, а вместе с ними и огромное количество советской боевой техники, включая ракетные установки и самолёты, в большинстве своём даже не успевшие подняться в воздух.

— Мой отец воспринял эти события как личную трагедию. Ещё бы - отдать столько сил, времени и средств на обучение арабов военному искусству и увидеть, как всё это в считанные дни пошло прахом! Отец во всём винил Насера, выступавшего перед арабами с шапкозакидательскими речами и решившегося на такой несомненно провокационный шаг как блокада залива Акаба.

— Мы ведь говорили им, что они не готовы к войне. К дисциплине они так и не приучились на всех уровнях армии и флота. В ожидании войны офицеры уходили со своих дежурств ночевать домой. Одним ударом по аэродромам, непонятно почему оказавшимся неожиданным для арабов, Израиль в пару дней решил исход войны, - сокрушался отец в разговорах со мной при нашей встрече в августе в Севастополе.

Родители в Гизе, 20 января 1965 г.

—К середине июня я разделался, наконец, с экзаменами - сдал на "хорошо" и философию, и немецкий, и отправился на всё лето в Ладушкин. В июле к нам в гости приехали Сашенькины родители с её младшим братом Вовкой. Обычно июль дождлив в Калининграде, но тот год был исключением, и мы часто ходили загорать и купаться на залив через норковый зверосовхоз "Береговой". Берега залива в окрестностях Ладушкина окаймлены густыми камышовыми зарослями, и лишь в районе зверосовхоза имелся небольшой песчаный пляжик, спускаться к которому нужно было с довольно высокого в этом месте и живописного берега, поросшего наверху большими соснами. От нашего измирановского дома до этого пляжа около сорока минут спокойной ходьбы. Иринку возили в летней коляске. Ей уже было почти два года, и она с удовольствием совершала путешествия к заливу.

Иринка на пляже в Береговом летом 1967 года

Николай Степанович Ярцев с внучкой и зятем в Ладушкине летом 1967 г.

— Для купания залив, к сожалению, мало подходящ, так как мелок, и до глубины хотя бы по грудь нужно брести от берега чуть ли не сотню метров. В начале лета вода в заливе цветёт, т.е. наполняется микроскопическими водорослями, придающими ей зеленоватый цвет. Но зато и прогревался залив очень быстро, так что уже в жаркие дни мая в нём можно купаться. Для детей, конечно, купание в заливе и приятно, и безопасно. Нас же, взрослых, куда как больше привлекали шикарные пляжи морского побережья в районе Зеленоградска и Светлогорска, где и глубоко сразу, и вода чистая, и песочек мягкий, но от Ладушкина до них было далеко - 30 километров до Калининграда и ещё 30-40 до моря. К тому же вода в море прогревается (и то лишь до 18-20 градусов) только к концу лета, в августе, так что с купанием мы довольствовались в основном заливом. Иногда на станционном фургоне ездили за 20 километров на мыс Бальга, где в дебрях зарослей на высокой береговой круче сохранились следы развалин старинного рыцарского замка, а внизу, слева от мыса тянулась довольно широкая полоса чистого песка и не заросшей камышом воды, - настоящий пляж! - там и глубина у берега побольше, чем вблизи Ладушкина. Ездили и на Голубые озёра - глубокие искусственные карьеры, расположенные километрах в 15 от Ладушкина в сторону Калининграда, где нырять

можно было прямо с берега, а загорать на травке. Но эти поездки совершались позднее, когда Иринка подросла, начиная, примерно, со следующего, 1968-го года.

— Мы с тестем, Николаем Степановичем, брали на залив удочки и пытались ловить рыбу на хлеб и муху, так как видели, что пацаны ловят мелкую плотву в камышах у самого берега, но у нас почему-то не клевало. Однажды, когда мы лежали, загорая, на берегу, к нам подошёл парень из местных, лет двадцати, и попросил удочку - попробовать половить. Взял удочку и полез с ней куда-то в камыши, примыкающие к пляжу, неподалёку от купающихся. Каково же было наше изумление, когда буквально через пять минут он вылез оттуда, держа в руке довольно крупную рыбку, крепко её сжав, чтобы не трепыхалась.

— Рыбина оказалась красавицей-краснопёркой граммов на 400, с крупной чешуёй, отливающей зеленовато-золотистым оттенком, с ярко-красными плавниками и хвостом. Своим цветом краснопёрка прежде всего отличается от ближайшей родственницы - плотвы, но он сохраняется у неё лишь до обсыхания. На свету краснопёрка быстро светлеет и становится серебристой, а обсохшая - с синеватым оттенком, тогда её уже труднее отличить от плотвы, разве что по несколько большей ширине (от брюха до спины) и по форме рта.

— Мы попросили парня показать, как он ловит, и полезли вместе с ним в камыши. Прежде всего мы обратили внимание на то, что он укоротил лесу, оставив только конец длиной около метра с поплавком, грузилом и крючком. Насадив на крючок катыш из хлеба, парень опустил конец лесы в воду около себя (мы стояли в воде, которая доходила нам до середины бёдер примерно) и стал просовывать удилище вглубь камышей вдоль еле заметной узкой дорожки шириной сантиметров в 20. Просунув удилище на максимальную длину, т.е. метра на три, парень дал опуститься грузилу, и поплавок, едва сев на воду, буквально тут же чуть притопился и быстро пошёл в сторону. Короткая подсечка, и над водой затрепыхалась краснопёрка. Парень аккуратно потащил удилище к себе, не опуская рыбу в воду, снял краснопёрку с крючка и передал её мне. Ни садка, ни даже полиэтиленового пакета (тогда, впрочем, они ещё не были распространены) у нас не было. Я попытался засунуть рыбку в плавки, но она выскользнула у меня из рук, плюхнулась в воду и ушла.

— - Ничего, сейчас ещё поймает, - успокоил меня парень. И действительно, из того же самого оконца в камышах он вытащил ещё пяток штук, но как только одна рыбина сорвалась с крючка, клёв прекратился.

— - Распугали. Надо сменить место. Пойдём только сначала червячка откопаем.

— Мы вылезли на берег. Парень воткнул в землю палку и начал стучать по ней другой палкой.

— - Сейчас червяк вылезет, - уверенно заявил он. - Ищите в траве. И действительно, рядом с палкой из земли вылез червяк. Набрав таким образом с пяток червей, мы опять полезли в камыши. Теперь кроме краснопёрок и плотвы нам стали попадаться и окуни, причём не мелочь, а приличные - граммов по триста.

— С тех пор лазание с удочкой по камышам стало главным моим увлечением, которому я предавался в свободное время в годы нашей ладушкинской жизни, начиная сезон в апреле и кончая в сентябре, не взирая на погоду, лишь бы вода не была слишком холодная. На ноги я обычно надевал кеды, чтобы не ранить ноги об обломки камышей, торчавшие из дна. Остальную одежду составляли - в жару только плавки, а в прохладные дни - рубашка, свитер, пиджак, чтобы не мёрзнуть на ветру, от дождя - куртка из кожзаменителя. Сашенька сделала мне специальную сумку для рыбы, наживы, запасных снастей и курева, которую я вешал себе на шею. Позже я стал складывать рыбу не в сумку, где она быстро задыхалась, а в притороченный к поясу садок, болтавшийся в воде.

— Ловил преимущественно краснопёрку на хлеб, стандартные экземпляры были по 200 - 300 граммов, реже - по 400 - 500. Таких "лошадей", как мы их называли, было трудно

вытаскивать из камышей, так как нельзя было поднимать их над водой - срывались: рвались либо поводки, либо губы, приходилось тащить по воде, распугивая остальную рыбу, и потом менять место. Со временем техника вываживания отработывалась, мастерство росло, и удавалось вывести крупную рыбку без особого шума, тогда из одного "окна" в камышах я умудрялся вытащить по три - пять крупных красноперок. Попадались и плотва, густера, подлещики, которые лучше ловились не в самой гуще камышей, как красноперка, а в редких камышах или на открытой воде рядом с камышами. Рыбалка в Ладушкине не исчерпывалась ловлей в камышах, но о других её видах - позже.

[\(продолжение следует\)](#)